

НИКОЛАЙ СМОЛЕНЦЕВ

РОМАНС
О ДАЛЁКОЙ РУСИ

БАБУШКА. СТАЛИН. ПОРТРЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Моей бабушке Кудриной Анастасии Дмитриевне (1904 года рождения), прошедшей голод Поволжья, коллективизацию, ГуЛаг, войну и послевоенную разруху

Я маленький... Я лезу на чердак
По лестнице, от времени скрипучей...
Там столько хлама, сваленного кучей!
Там золотом расшит Советский флаг!
Там граммофон и самовар блестящий!
Там кожаные папки! Целый ящик
Бухгалтерских немецких стройных книг!
Там в рамке над столом висит старик
В парадном позолоченном мундире!
Фуражка... серебристые усы...
И орденов, и звёзд ряда четыре,
И оспы на лице рябая сыпь...

СМОЛЕНЦЕВ Николай Георгиевич родился в 1963 году в г. Йошкар-Ола. Окончил Московский государственный университет культуры и искусств (МГУКИ). Директор словацкой фирмы "Словконтракт", г. Братислава. В "Нашем современнике" публикуется впервые. Живёт в г. Братислава (Словакия).

Я вижу, засыпая по ночам,
Сквозь времени пронзительную сырость,
Как бабушка на тот портрет крестилась,
Молитвы да акафисты шепча...
А я, гадёныш, матери стучал...
И мать на нас двоих нещадно злилась...
Рой подзатыльников отвесив мне,
Твердила бабка: “Он нас спас в Войне!”
(Несладка роль семейного врача,
Мужского не имея крепость тыла...
Расстрельной безотцовщины печать
Бредёт за мной упрямо до могилы)...

Она, сменив полтысячи квартир,
В холстине сухари всегда держала...
Пусть поднималась и цвела Держава,
И новые вожди в борьбе за Мир
Вещали громогласно на трибунах
Над толпами трудящихся угрюмых...
Но бабушка держала керосин
И соль, и спички, и запасы мыла...
Над лестницей портрет висел один —
При всех властях она Его хранила...
Я ж рос... и института колготня
Тянула в неизвестное меня...

Наш педагог, пронырливый еврей,
Всё повторял, что “быдло” жаждет палки...
Но во дворах, среди простых людей,
Где мячики, резинки и скакалки,
О Сталине вздыхали тяжело,
Когда в кабины фото клали под стекло...
Да, тот портрет “седого палача”,
Что деда с бабкой закалил в ГУЛаге
И похоронки... и арест... и лагерь...
И пайка под морковный стылый чай...
Какие б ветры ни сушили губы мне,
Я помнил с детства: “Он нас спас в Войне!”

Она под “Перестройку” отошла...
Спокойно и достойно умирала...
Семья лишилась главного весла,
Я плакал в голос... Бабушки не стало...
Никто Портрет не выбросил в сортир...
Мы жили! Но не знали, бедолаги,
Что скоро не какие-то варяги —
Свои же подожгут наш дом и мир...
И ныне, пол-Земли исколесив,
Пройдя туманы мёрзота и фальши,
Я всё ещё такой же дерзкий мальчик,
Что лезет в сумрак, губы закусив,
К грузину, что помог родиться мне,
Страну поднять и выстоять в Войне!

РУССКИЕ В ЭМИГРАЦИИ...

Горькой памяти катится мой дилижанс...
Ты проси — не проси,
Но звучит в остывающем сердце романс
О далёкой Руси...

Я не еду туда... Я в чужих городах
Эти звуки ловлю...
Эй, прохожий, снеси после смерти мой прах
На Отчизну мою...

Ты соври, обмани меня, мой дорогой!
Лишь надежду оставь...
Завещаю “Георгия” полный набор
И булатную сталь...
В этом городе праздников, в городе муз
Я не пан... я пропал...
Неужели туда я теперь не вернусь,
Где зажгли мой запал?!

По парижским бульварам бреду... но романс —
Неотвязно за мной...
Здесь в чести Дебюсси и маэстро Сен-Санс...
Здесь и воздух иной...
Здесь Рахманинов... Бунин навечно гостит...
Здесь Шаляпин поёт...
Но Россия, как женщина, тем не простит,
Кто оставил её.